

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

КРИТЕРИИ ПРАВДЫ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

КАК-ТО я присутствовал на репетиции народного театра. Шла она на большой сцене красивого Дворца культуры. Работали все увлеченно. На сцене было немало одаренных ребят, в зале — горящий своим делом руководитель. Время от времени он останавливал репетицию и увлеченно говорил исполнителям ролей о том, чтобы они точнее следовали задачам, логике жизни образов, не наигрывали. Репетиция шла неплохо. Но чем дальше, тем очевиднее становилось, что работу режиссера отличает некоторая однобокость. Живо отмечая все нарушения сценической правды, все недостатки в игре исполнителей, режиссер не видел целого, оттого на сцене у него царил хаос.

— Ну, как вам наша репетиция? — с детской непосредственностью спросил меня режиссер.

— Интересно. Но если хотите, поговорим поподробнее.
— Конечно!

Когда мы остались вдвоем, я рассказал режиссеру обо всем, что заметил. И подытожил:

— С актерами вы работаете хорошо. Но ведь вы уже

вышли на сцену. Тут нужны еще кое-какие умения, не так ли? Мизансцены вы строите плохо, композиция у вас вялая, сама по себе она ничего не выражает, ритмический рисунок однообразен.

— Я это знаю, — без обиняков признался молодой человек. Но... нас этому почти не учили. Подскажите, как овладеть всем, о чем вы говорите? Какие есть учебники? Есть ли упражнения, которые помогут получить нужные навыки?

Вопрос по существу поставил меня в тупик. Сегодня я могу дать ему определенный ответ.

Издательством «Просвещение» выпущена книга Юрия Мочалова «Композиция сценического пространства. Поэтика мизансцены» (1981). «Автор настоящей книги ставит перед собой... задачу выявить и сформулировать некие законы режиссерско-

го письма, определить и обозначить целый ряд секретов временно - пространственной организации спектакля», — пишет в своем предисловии народный артист СССР В. Плучек.

Беря в руки новую книгу, мы чаще всего начинаем с беглого ознакомления с отдельными ее страницами или с оглавления. В подробном оглавлении строгие заголовки и подзаголовки, такие, как «Азимут простейшей мизансцены», «Ракурсы», «Логика поворотов», соседствуют с образными формулами вроде «Видеть время! Слышать пространство!», «Это у тебя уже было!».

За серьезными, так же, как и за полушутливыми, определениями стоит не стремление к оригинальности стиля, а образная точность, без которой трудно говорить о творческих процессах в искусстве.

Автор предлагает читателю мысленно взглянуть на пустую сцену. Вот на подмостки вышел человек. Он движется. Остановился. Спинной к зрителю, или лицом, или в профиль. А может быть, он сел на пол или встал на стул. Оказывается, с точки зрения мизансценирования все это принципиально важно. Мало того, это и есть знаки пластического языка — азбука пространственной режиссуры.

Постепенно книга вводит нас в круг понятий «Поэтики мизансцены». Читателю раскрываются законы построения сценической картины — заставшей или движущейся. Слово и движение — необходимо увязать их. Не менее важно овладеть техникой воздействия на зрение и слух зрителя. Сориентироваться во времени и пространстве. Понять, что такое пресловутая четвертая стена, отделяющая сценический па-

вильон от публики: неизбежная ложь, убивающая подлинность наблюдаемой нами жизни, или выразительная возможность, которой должен уметь пользоваться режиссер. На эти и многие другие вопросы отвечает читателю книга.

Мы незаметно переходим от азбуки режиссуры к технике (таково и название раздела — «Техника») организации массовых сцен, построения монологов; к разговору о взаимосвязи пластики отдельного актера с общим режиссерским рисунком, о том, как пользоваться ограничительной графикой, приемами контраста и контрапункта, как, не впадая в подражательность, самоповторение, найти принцип решения спектакля...

Заключительная часть — «Учебный класс» — представляет собой сборник этюдов и упражнений по сценической композиции и пластике.

Режиссеры, актеры, да и просто любители театра найдут в книге Ю. Мочалова немало полезного и интересного.

А. ЧЕЧЕТИН,
кандидат искусствоведения.